Сердцебиение замедлилось, пальцы расслабились, мышцы в груди разжались. Сакура откинулась на спинку кресла, погружаясь в теплую, сонливую волну. Она чувствовала себя в безопасности и очень хотела спать.

Это ощущение абсолютной безопасности, как в объятиях матери, заставляло весь мир чувствовать себя неправильно. Сакура не чувствовала себя в безопасности даже во сне, а сейчас для этого не было никаких причин, когда она была почти уверена, что вот-вот узнает, вся ли кровь Сасуке такая же красная, как жидкость, стекающая с его костяшек.

Гендзюцу, подумала она, рефлекторно останавливая поток чакры в своей нервной системе. И точно так же сонливость исчезла, сменившись напряжением, от которого она напряглась, как кото. Она даже удивилась, что не вибрирует, как натянутая струна, но заставила себя позволить голове безвольно откинуться в сторону, а руки опустить на колени.

Поближе к ножам.

Сакура быстро сообразила, что поле ее зрения слишком ограничено, и волосы зашевелились от мысли притвориться спящей, когда она услышала характерный звук ударов кунаев о кунаи на трибунах вокруг нее.

Пальцы скрючились в знакомом жесте, и она выскользнула из "оболочки", а ее клон остался сидеть на своем месте. Присев на колени, Сакура наблюдала за хаосом в долине, образованной трибунами, ниндзя из деревни вели войну над, вокруг и между телами мирных жителей и шиноби, все еще попавших в гендзюцу. Лишь когда один из противников упал в ее пространство, она заметила слишком знакомый защитный щиток на лбу.

Эта единственная музыкальная нота сказала ей все. И ни о чем.

Ничто могло подождать, потому что ниндзя не был мертв.

Сакура набросилась на ниндзя, мощные мышцы ног плавно повели движение вперед, и прежде чем ниндзя успел восстановить равновесие, одна из ее рук схватила его за челюсть и ударила головой о бетон. За месяц ее контроль над силой, усиленной чакрой, улучшился - когда его челюсть щелкнула и разлетелась, а голова ударилась с силой, достаточной для убийства, это было сделано намеренно.

Ей было далеко до того, чтобы разбивать валуны и раскалывать бетон, и за тот месяц тренировок она сломала лучевую кость в двух местах, но люди были гораздо более хрупкими, чем камни. Особенно если речь идет о травмах головы, нанесенных тупым предметом.

Дзюнин, который, видимо, спешил ей на помощь, а может, просто хотел закончить начатое, на мгновение недоверчиво уставился на нее, а потом снова исчез, не сказав ни слова.

Сакура подумала, не вернуться ли ей на прежнее место, но, оглянувшись на Какаши-сенсея и Могучего Парня, увидела двух джонинов, намеренно делающих из себя мишени, и не захотела принимать в этом участие. Она подумала о том, чтобы укрыться на месте, притвориться мертвой и ждать, пока все закончится, но это было лишь то маленькое, испуганное "я", которое не переставало убегать от того первого ниндзя с зыбкими глазами.

Остальная же часть ее тела прикидывала, как не упасть духом и при этом внести свой вклад в битву. Лучше контролировать свою силу, усиленную чакрой, или нет, заниматься один на один с ножами или нет, тренироваться в шуншине или нет - она была одним генином. В рассказах Орочимару был много кем, но идиотом не был. Если бы ей пришлось вторгнуться в чужую деревню с ограниченными силами, то все ее лазутчики были бы джоунинами. А против джоунина у нее было только одно оружие. Удивление.

А если и это не сработает, то ее отправят к матери в коробке.

Хорошо, что у нее были стройные плечи и по-детски маленькое тело. Иначе ей бы не удалось протиснуться между ногами и спинками сидений, не оставив за собой следов от сдвинутых тел.

Сакура могла поклясться, что чувствовала, как ее сердце колотится о заднюю стенку горла, пока она пробиралась между сиденьями, направляясь к битве, которую она могла слышать, но не могла видеть, не поднимая головы над безопасным окопом. От количества ног, которые ей приходилось преодолевать, становилось не по себе - кто был достаточно силен, чтобы заблокировать столько ниндзя в гендзюцу? Неужели это сам Орочимару? Часть девушки надеялась, что да, ведь если это не Орочимару, значит, у него есть подчиненный, способный на такое. А это было плохо.

Она пыталась засунуть мысль о том, что враг может зарезать спящих ниндзя, как скот, под камень, но она была настойчивой, как таракан. Может ли она разбудить их? Должна ли она их будить? Или это приведет к еще большему хаосу?

Сакура добралась до места сражения раньше, чем ей пришлось принимать решение, и, перевернувшись на живот, почти целиком заползла под одно из сидений и стала наблюдать за тем, как два джонина сцепились в узком проходе. Ей повезло - они разговаривали, а ото-нин был женщиной, со стройными лодыжками и накрашенными пальцами. Ей пришлось подождать, пока усмехающаяся Ото-нин приблизится к ней, но когда это произошло, ее рука метнулась вперед, как змея, и, сомкнувшись вокруг лодыжки вражеской куноичи, со всей силы дернула ее на себя.

Куноичи прижалась всем своим весом к противнику, использовала чакру, чтобы удержаться на ногах, но Сакура стала той соломинкой, которая сломала спину верблюда. Куноичи упала, воспользовавшись внезапной слабостью соперницы, и ее нога скользнула под сиденье, где притаилась Сакура. В любом случае, восстанавливаться было бы не очень удобно: прямой выпад вверх мог вывихнуть бедро или сломать ногу, а противница не собиралась давать ей больше пространства, но Сакура не стала рисковать, что один из людей Орочимару не гнется в тех местах, где не гнутся люди.

Современные шиноби, как правило, были легко бронированы. Это были войска-невидимки, а не ударные силы самураев, хотя их ниндзюцу позволяли и такое.

Куноичи придерживалась этого правила, поэтому барьером для ее ножа служили только ткань и плоть.

А ножи Сакура держала очень острыми.

http://tl.rulate.ru/book/100569/3440962